

*Посвящается моей сестре,
Лойс Сэйерс*

Я безнадежно влюблён в воспоминания.
В эхо из другого времени и места.

Майкл Фолде

ГЛАВА 1

Хелен Ламберт

Вашингтон, 24 мая 2012 года

Не успела я развестись, как друг уже устроил мне свидание вслепую. Зайдя в бар отеля «Софитель» на 15-й улице, я спросила мистера Варнера. Хостес указала на мужчину, сидящего в одиночестве у окна.

Вашингтон по сути своей — это благородный южный город с соответствующим дресс-кодом. В комнате, пестрящей темно-синими костюмами, галстуками-бабочками и летними хлопковыми платьями, Люк Варнер выглядел абсолютно не к месту. С ног до головы одетый в черное, он напоминал арт-директора из Сохо¹, который ошибся станцией, вышел на Пенн-Стэйшн и очутился среди тучных мужчин с бурбоном в руках и сигарами в зубах.

Он поднял глаза, и вся его эффектность вмиг испарилась. Люк Варнер не обладал некими особенными чертами лица. Напротив, он выглядел нейтрально, точно излюбленная пара брюк цвета хаки. На мгновение мне стало любопытно, о чем вообще думал Микки,

¹ Манхэттен.

КОНСТАНС СЭЙЕРС

когда устраивал нам встречу. Этот мужчина был совершенно *не* в моем вкусе.

— Хелен Ламберт. — Я протянула липкую от влажности руку (признак того, что я не ходила на свидания почти десять лет). Я думала, встреча не затянется. Решила, что пропустим стаканчик-другой, и на этом все. Я только начала оправляться после развода, и тренировочное свидание должно было пойти мне на пользу.

— Очень приятно. Люк Варнер. — Мужчина встал; долю секунды он изучал меня, как будто удивляясь чему-то.

Несмотря на собственное разочарование, я слегка опешила. Неужели я тоже не соответствовала описанию Микки? Люк задумчиво уселся на место, как будто разгадывая головоломку. После того как он жестом пригласил меня присоединиться, между нами воцарилась долгая и настороженная тишина.

— Микки рассказывал о твоём доме. Сказать, что он восхищён, это ничего не сказать. — Я села и принялась болтать, нервозно теребя на коленях тканевую салфетку. К моему ужасу, белые нитки начали предательски рассыпаться по всей чёрной юбке.

Я махнула салфеткой в сторону хостес, будто в знак капитуляции.

Уголок рта Варнера приподнялся — его умилили мои тщетные попытки привлечь внимание администратора. В то же время я почувствовала, что переигрываю, почти как актриса водевиля.

— Ну, вообще-то он старый, — признался Люк.

— А? — Я бросила на собеседника озадаченный взгляд.

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ХЕЛЕН ЛАМБЕРТ

— Дом, — усмехнулся Варнер. — Ты спрашивала о доме. — В голосе послышалась хрипотца, как бы намекающая на то, что Варнер любил покурить. — Мне нравятся дома с историей. С «характером», как сейчас говорят.

— С характером, — кивнула я. — Микки рассказывал, что мы вместе работаем?

Люк с ухмылкой откинулся на спинку стула.

— Я слышал, ты руководишь журналом.

— Да. «В кадре». — Я гордо выпрямилась. — Название олицетворяет взгляд на фотографию, на то, что находится в объективе, или, как гласит название, «в кадре». Мы следим за тенденциями и за тем, что попадает в центр внимания, будь то политика, культура, религия, мода, образ жизни... Наши репортеры работают по всему миру, а фотографии получили широкую огласку.

Слова звучали как текст из буклета, поэтому я смолкла. И удержалась от уточнения, что журнал только что получил Национальную премию и был охарактеризован как «одно из самых важных изданий, вносящих вклад не только на национальном, но и мировом поприще».

Хостес наконец-то протянула мне новую черную салфетку, и я расстелила ее на коленях. Я так сильно нервничала, что мне пришлось скрестить ноги, чтобы остановить странный мандраж. С чего вдруг я волнуюсь перед мужчиной, который оказался мне совершенно не интересным? Я списала все на нервы; в конце концов, это мое первое свидание за долгое время. И тем не менее было что-то еще...

КОНСТАНС СЭЙЕРС

— «В кадре», верно, — заметил он. — Видел его в газетных киосках.

— Это крупный журнал. Крупнее большинства, — заново начала я. — Фотографии просто отпадные.

С глубоким вздохом Люк посмотрел на стол.

— Ты не изменилась. Нет, конечно, ты *изменилась*... особенно волосы. Они теперь *медного* оттенка. — Он принялся разглядывать вилку. — Прости, — пробормотал он.

— Прошу прощения? — Я решила, что неправильно его поняла. — Мы только что познакомились. — Смеясь, я поменяла местами вилку и нож.

Люк открыл меню, просмотрел названия блюд, после чего бросил его на стол.

— Я никого тебе не напоминаю? — уточнил он, склонив голову.

Я в ответ смущенно покачала головой.

— Мы разве встречались? У меня *ужасная* память.

— Совсем никого? В самом деле? — Люк наклонился, чтобы я лучше рассмотрела его лицо.

Его некрупные темно-синие глаза как будто танцевали над зажженной свечой. Я заметила на лице случайный загар, какой появляется после работы в саду, и однодневную светлую щетину — или, может, седую? В тот момент, при свете свечи, что-то в нем *действительно* показалось знакомым.

— Нет, — заверила я. Хотя это была ложь.

— Ненавижу этот момент. — Люк Варнер нервно потер колени. — Уже тридцать лет как ненавижу, но ты все равно меня зовешь, и все повторяется снова. — Для драматизма он очертил в воздухе круг тонким указательным пальцем. — Что-то давненько я тебя не видел.

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ХЕЛЕН ЛАМБЕРТ

— Прошу прощения? Я... тебя *что*? Зову?

— Ну да. Впервые это случилось в тысяча восемьсот девяносто пятом году во Франции. — Он взял паузу. — Нет, если быть точным, это была твоя мать, но нам не обязательно вдаваться в подробности.

— Моя *мать*?

Я представила Марджи Коннор, мою маму, которая в тот самый момент поела «Гауду» и распивала вино в книжном клубе. В этом месяце они снова приступили к «Библии ядовитого леса»¹.

— Потом мы встречались в Лос-Анджелесе в тысяча девятьсот тридцать пятом году. А последний раз был в Таосе в семидесятом. Честно говоря, я бы предпочел, чтобы ты вернулась в Венецию или в другое более интересное место. Этот Вашингтон — то еще болото. — Люк Варнер нахмурился. — Я знаю, ты видишь в нем сходство с Парижем, но... — Голос стих, и Люк небрежно устроился в кресле, как будто только что закончил рассказ о дне в офисе.

Я выдохнула достаточно громко, чтобы ненароком привлечь внимание мужчины за соседним столиком.

— Позволь прояснить. Я звала тебя в 1895 году? — Положив на стол салфетку, я посмотрела на куртку. Затем встала. — Мистер Варнер, мне жаль, но вы, должно быть, перепутали меня с кем-то другим.

— Хелен, — сказал он с напором, который меня удивил. — Давай обойдемся без драматизма. Театральность — не мой конек. *Присядь*.

— Присесть? — Я наклонилась, положив руки на стол. — Вы сумасшедший, мистер Варнер. Я вас не знаю. Мне тридцать три года, а не сто. Я никогда не

¹ Роман Барбары Кингсолвер.

КОНСТАНС СЭЙЕРС

встречала вас во Франции или где-либо еще. А моя мать работает в Национальном институте здоровья. Уверяю вас, она не... звала вас в 1895 году.

— Хелен. — Варнер понизил голос. — *Сядь.*

И по какой-то странной причине я послушалась и опустилась на стул.

Мы сидели и смотрели друг на друга. Свечи на столах напоминали маленькие уличные фонари. В тот момент я почувствовала что-то знакомое. И тогда меня осенило. *Газовые фонари?* Я покачала головой, чтобы отпугнуть четкий образ залитого светом мужчины. Образы в голове сменяли друг друга как вспышки. Я увидела Люка Варнера в экипаже, и он улыбался мне, пока мы ехали по широкому бульвару. Поездку сопровождало решительное цоканье копыт по мостовой. Повсеместно мерцающий свет, словно включенный под одеялом фонарик, выделял его лицо. Одежда выглядела странно неуместной — почти викторианской. Обстановка тоже казалась странной. Я покачнулась на стуле, держась за стол обеими руками, затем повернулась и посмотрела в окно. Мне чудилось, что освещенные гирляндами деревья покачивались и заговорщицки мерцали друг другу, озаряя Люка светом из иного времени. В тот момент Люк Варнер напоминал мне трагического героя из стихотворения Шелли.

Станный мужчина отодвинул меню.

— Недавно ты обратилась ко мне и попросила кое-что сделать. Я выполнил твою просьбу.

Я уже хотела запротестовать, но он вдруг поднял руку.

— Хелен, ты серьезно? Мы ведь оба знаем, о чем я говорю.

И да, я знала, о чем шла речь.

ГЛАВА 2

Хелен Ламберт

Вашингтон, январь 2012 года

В конце января мой муж Роджер объявил о расторжении наших отношений. К юристам мы не торопились, поскольку никто из нас не собирался разводиться, даже невзирая на годичную разлуку. Мы пробовали терапию. Мы пробовали жить вместе, пробовали жить отдельно, но, казалось, ничто не помогало нашему брачному союзу. Я чувствовала себя брошенной ради его первой и единственной любви — галереи «Ганновер».

Роджер был главным куратором и директором галереи, в которой хранилось более трех тысяч французских и американских картин, а также одна из крупнейших коллекций черно-белых фотографий, когда-либо собранных в США. Для Роджера «Ганновер» был не просто зданием; все оказалось гораздо сложнее — муж был поистине одержим своим детищем. Коллекция занимала все его время, и места на шедевры никогда не хватало. Я находила эскизы зданий и планы этажей на салфетках и бумажных лоскутках. Даже в ванной! Мне было трудно привлечь внимание Роджера к чему-то настолько обыденному, как, напри-

мер, к ремонту сломавшейся посудомоечной машины. За три года он провернул многомиллионную кампанию (восемьдесят пять миллионов долларов, если быть точнее), чтобы построить идеальный «дом» для своей коллекции. Успеху этой кампании немало способствовал найм Сары Дэвидз, которая, по всей видимости, являла собой настоящий феномен в том, что касалось сбора средств. Роджеру удалось увеличить посещаемость музея до 425 000 человек. Неплохо, учитывая, что его *частная* галерея конкурировала с бесплатными смитсоновскими музеями, разбросанными по всему Вашингтону. В нашем городе-музее королем стал Роджер Ламберт — вундеркинд в мире филантропии, безумный гений! О нем писали в «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и в «Хрониках филантропии». Он даже успел выступить со знаменитой речью о том, как простые организаторы способны собрать деньги на любимые сердцу дела! А потом он взял и шокировал жителей Вашингтона (возможно, даже некоторых из величайших создателей музеев): начал сотрудничество *не* с американским архитектором, а с японской фирмой. Цель столь необычной коллаборации заключалась в строительстве стеклянной конструкции в перспективном прибрежном районе города. Попытка перенести «Ганновер» с нынешнего места, из старого георгианского особняка на Резервуар-роуд, на модный участок Мэйн-авеню настроила против Роджера весь музейный мир. В конечном счете «Вашингтон пост» назвал его бесценный дизайн «дорогой пародией на пирамиду из кубиков льда». Поскольку величественный особняк-лабиринт в верхнем Джорджтауне теперь пустовал, дети начали бить в нем окна, вызывая

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ХЕЛЕН ЛАМБЕРТ

тем самым гнев исторического сообщества. Так Роджер Ламберт попал в немилость.

Мы с Роджером гремели чуть ли не на весь Вашингтон. Наша парочка славилась приемами, которые мы давали в своем доме на Кэпитол-Хилл. Каждый месяц мы устраивали званый ужин, о гостях которого впоследствии писали в моем журнале. В гостиной прекрасно размещалось человек шестнадцать, поэтому участие в ежемесячных собраниях стало для знаменитостей весьма желанным событием. Мы с Роджером с осторожностью составляли список, смешивая художников с политиками, математиков с музыкантами. Раз в год мы устраивали ужин *только* для художников или политиков, но нам обоим нравилось соединять несоединимое и наблюдать за растущим напряжением. Приглашали гостей мы без всяких затей: один телефонный звонок — и люди слетались со всего мира, чтобы просто посидеть за нашим столом. Однако без казусов все равно не обходилось. Один известный фотограф, например, однажды отклонил приглашение, заявив, что мы с мужем «слишком буржуазны». Да, это отчасти правда, но ведь в этом вся соль! Еще был случай, когда из нашего дома пулей вылетел известный актер, потому что мы усадили его рядом с ученым, который понятия не имел, кто он такой. К сожалению, на Мэриленд-авеню такси — редкое явление, поэтому ему пришлось провести целых десять минут на ледяном январском холоде, ожидая водителя из Нигерии, который тоже не имел представления, кто его пассажир.

Но все закончилось в конце января, когда Роджер пригласил меня на ужин в наш излюбленный вьетнамский ресторан на Коннектикут-авеню и объявил, что